

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 29

*

Сборник научных работ
молодых филологов

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 29

Сборник научных работ
молодых филологов

Редколлегия:

А. Веселко, А. Герасимова, Т. Гузаиров, А. Егоров, С. Зайцева,
С. Ким, А. Козлов, М. Нестеренко, К. Новашевская, А. Пахомова,
Е. Савина-Лощина, А. Самарин, А. Соловьев, К. Филимонова,
А. Шеля, Е. Ящук (литературоведение)

Е. Батракова, Д. В. Беляев, Л. Ю. Муковская (лингвистика)

Ответственные редакторы:

Т. Гузаиров (литературоведение)

Л. Ю. Муковская, Е. Батракова (лингвистика)

Технические редакторы:

С. Долгорукова (литературоведение)

В. Тубин (лингвистика)

Авторские права:

Статьи: авторы, 2018

Составление: Отделение славянской филологии

Тартуского университета, 2018

ISSN 2228-4494

«СЕРЕБРЯНЫЙ ПОЛДЕНЬ» И. Ф. АННЕНСКОГО В ЛИТЕРАТУРНЫХ СПОРАХ 1900-х гг.

Анна Фитискина
(Москва)

Иннокентий Анненский в статье «О современном лиризме. “Они”» писал: «Я считаю достоинством лирической пьесы, если ее можно понять двумя или более способами или, недопоняв, лишь почувствовать ее и потом доделывать мысленно самому» [Анненский 1979: 333–334]. Можно сказать, что этими словами он охарактеризовал одну из ключевых черт собственной поэтики, отмеченную А. Федоровым: «Искусство многопланового слова у Анненского состоит именно в сложном, напряженном переплетении, взаимопересечении смыслов», где одно прочтение не замещает собою другое, а совмещается с ним [Федоров 1990: 31]. Устройство «Серебряного полдня» из «Трилистника балаганного» (далее в тексте — СП) представляется яркой иллюстрацией подобного «переплетения» смысловых планов.

Серебряным блеском туман
К полудню еще не развеян,
К полудню от солнечных ран
Стал даже желтее туман,
Стал даже желтей и **мертвей** он.
А полдень горит так суров,
Что мне в этот час неприятны
Лиловых и алых шаров
Меж клочьями **мертвых** паров
В глазах замелькавшие пятна.
И что ей туг надо скакать,
Безумной и радостной своре,
Все солнце ловить и искать?
И солнцу с чего ж их ласкать,
Воздушных на **мертвом** просторе!
Подумать, — что помпа бюро,
Огней и парчи серебро,
Должна потускнеть в фиомиаме:
Пришли Арлекин и Пьеро,

О белая помпа бюро,
И стали у гроба с свечами! [Анненский: 128]¹

Первый семантический план открывается при имманентном анализе текста: нагнетание мотива «мертвенности», «серебро огней и парчи», «фимиам», «свечи» и «гроб» проясняют центральный и наиболее загадочный образ стихотворения — «помпу бюро». Видимо, изображается погребальная церемония, организуемая похоронным бюро (на что указывает и наименование похоронной конторы на французском языке: “Bureau des pompes funèbres”) и раздражающая лирического героя неуместной фальшивой «помпезностью», абсурдной кульминацией которой становится участие в похоронах персонажей балагана. В лирическом герое, страдающем на протяжении всего текста от ослепительного «сурового» солнца-полдня, но при этом лишенном возможности отвернуться, угадывается лежащий в гробу мертвец. Соседство с Арлекином и Пьеро и традиция, в которую включено стихотворение, позволяют увидеть в этом «мертвце» Коломбуна.

Мотив «снижения» церемонии похорон, сквозной в лирике Анненского², соединяется в СП с входящей в семантический ореол трехстопного амфибрахия традицией переводов и переложений из цикла Г. Гейне “Lyrisches Intermezzo” [Гаспаров: 186–188], лирический герой которого часто видит во сне смерть своей возлюбленной³. Отзвуки этой традиции позволяют увидеть в СП также мотив «мертвой невесты» или «мертвого жениха», что особенно подчеркивается почти дословной цитатой («Должна потускнеть в фимиаме») из хрестоматийной баллады — «Светланы» В. А. Жуковского: «Тьма людей во храме; / Яркий свет паникадил / Тускнет в фимиаме» [Жуковский: 34].

¹ Ни одно из стихотворений «Трилистника балаганного» не датировано; впервые он был опубликован во втором номере журнала «Остров» (август 1909 г.), с незначительными разночтениями [Анненский 1994].

² Ср. «Трилистник траурный»; стихотворения «Черная весна», «У св. Стефана», «Зимний сон».

³ В стихотворениях “Ich hab’ im Traum’ geweinet...”, “Allnächtlich im Träume seh’ ich dich...” и “Mir träumte von einem Königskind’...”, перепевенном самим Анненским («Мне снилась царевна», 1904).

Наиболее близким к СП представляется переложение “Ich hab’ im Traum’ geweinet...” П. Ф. Якубовича «Мне снилось, что ты умерла...»⁴ (опубл. в 1899 г. в составе лирической поэмы «Возмущение любви»), написанное, как и СП, трехстопным амфибрахией с редкой рифмовкой аВаВ⁵:

Мне снилось, что ты умерла...
 Стоял я, безмолвный и бледный,
 Пред пышным покровом стола
 С моею голубкою бедной. <...>

При блеске полдневных лучей
 Загадочно свечи светили;
 Толпы равнодушных людей
 Входили и вон выходили.

Враждебно взглянув на меня,
 К усопшей с лобзаньем спешили, —
 Они, что до этого дня
 И гнали тебя, и бранили! [Якубович: 91]

Кроме метра, образов («блеск полдневных лучей», женщина в гробу) и темы смерти, стихотворение Якубовича с СП объединяет мотив, полностью отсутствовавший и у Гейне, и во всех известных переводах⁶: появление на похоронах лицемерных гостей.

В то же время можно проследить связь мотивов СП с мотивами в творчестве К. Случевского, близость Анненского к которому не раз подчеркивалась исследователями⁷. В стихотворении «Невеста» из цикла «Женщина и дети» (1898), как и в СП, «мертвая невеста» становится лирической героиней — живой и от этого

⁴ Сохранилась вариация этого стихотворения самого Анненского «Мне снился сон прекрасный...» из раннего недатированного цикла “Nocturno” [Анненский 2000: 146–147].

⁵ Согласно поэтическому подкорпусу Национального корпуса русского языка, подобная рифмовка до 1909 года встречается в 6 раз реже, чем обратная ей (36 к 230).

⁶ «Я плакал во сне; мне приснилось...» А. Фета, «Во сне неутешно я плакал...» Л. Михайлова, «Плакал я во сне: мне снилось...» П. Вейнберга.

⁷ Библиографию работ, касающихся этой темы, см. в примечаниях к публикации «Поэзия К. К. Случевского. Этюд А. Коринфского. С.-Петербург. Изд. П. П. Сойкина» [Анненский 2000: 21–25].

«жалующейся» на бессмысленность и «пышность» собственных похорон. Связь с СП стихотворения того же цикла «В костюме светлом Коломбины...» представляется еще более существенной:

В костюме светлом Коломбины
 Лежала мертвая она,
 Прикрыта вскользь, до половины,
 Тяжелой завесью окна.
 И маска на сторону сбилась;
 Полуоткрыт поблекший рот...
 Чего тем ртом не говорилось?
 Теперь он в первый раз не лжет! [Случевский: 70]

Трудно обойти вниманием и «Загробные песни» Случевского, значительная часть которых написана от лица покойника, наблюдающего собственные похороны. Анненский, по замечанию Р. Тименчика, «вслед за Случевским <...> пытался вообразить свое посмертное бытие» [Тименчик 1988: 16].

«Желтый туман» в СП «сливается» с «желтыми стенами» из «Умирания», третьего стихотворения «Трилистника балаганного», так открывается второй семантический план: лирический герой предстает уже не мертвецом на кладбище, а прикованным к постели поэтом, борющимся со смертью. «Бюро» теперь прочитывается как предмет мебели, ассоциирующийся с погребением из-за омонимии с похоронным бюро. Соответственно, «помпа <письменного> бюро» — сказано о напыщенной и лицемерной поэзии, которая должна «потускнеть в фимиаме», то есть, погибнуть в лести и во лжи.

Возможно и третье — полемическое — прочтение СП, подсказанное негативной оценкой Анненским некоторых поэтов-современников. В статье «О современном лиризме» Анненский писал: «Кажется, что есть и между нашими лириками такие, которые хотели бы <...> декорации, театра хотя бы, гиньоля, вместо жизни. Передо мной вырисовываются и силуэты этих поэтов. <...> Все это не столько лирики, как артисты поэтического слова» [Анненский 1979: 377]. Полемика в СП адресована прежде всего А. Блоку и А. Белому, в творчестве которых чаще всего встречаются «балаганские» персонажи Арлекин и Пьеро. Обнаружить ее помогает сопоставление текстов этих двух авторов

с содержательно близкими стихотворениями Анненского «Баллада» (из «Трилистника траурного») и «У св. Стефана».

Характеристика Блока в статье «О современном лиризме», по замечанию Р. Тименчика, чрезвычайно противоречива. С одной стороны, Анненский пишет, что Блок «в полном смысле слова и без малейшей иронии» — краса и очарование современной поэзии [Анненский 1979: 361]; более того, он «нападает» на критиков-обывателей, «защищая» блоковскую «Незнакомку» [Там же: 363]. С другой стороны, есть причины видеть в столь откровенном одобрении двусмысленность: в черновике лирика Блока сравнивалась с «прекрасным павлином», распутившим «свой великолепный павлиний хвост» [Тименчик 1981: 317]; сам Блок раздраженно отозвался о статье в письме к матери: «Анненский на этот раз действит<ельно> до противности вульгарен» [Блок 1927: 289]. Кроме того, в письме к Т. А. Богданович от 6 февраля 1909 г. Анненский отказывается идти на вечер Литературного общества, посвященный Достоевскому, ссылаясь на «самодовольство и кривлянье» и полное непонимание «поэзии Достоевского», присущее участникам этого общества, среди которых дважды упомянут Блок [Анненский 1979: 485–486].

Исследователями не раз отмечалась ориентация «Баллады» Анненского на блоковских «Незнакомок» (и балладу, и лирическую драму) [Аникин; Тименчик 2017: 42], прежде всего за счет жанра баллады⁸ и образа Дамы-Незнакомки, включенного в пространство петербургских загородных дач:

День был ранний и молочно-парный,
Скоро в путь, поклажу прикрутили...
На шоссе перед запряжкой парной
Фонари, мигая, закоптили.
Позади лишь вымершая дача...
Желтая и скользкая... С балкона
Холст повис, ненужный там... но спешно,
Оборвав, сломали георгины.
«Во блаженном...» И качнулись клячи:
Маскарад печалей их измаял...

⁸ Сохранился даже автограф стихотворения с зачеркнутым подзаголовком «Дачная баллада» [Анненский: 571].

Желтый пес у разоренной дачи
 Бил хвостом по ельнику и лаял... <...>
 ...Будь ты проклята, левкоем и фенолом
 Равнодушно дышащая Дама!
 Захочу — так сам тобой я буду...
 — Захоти, попробуй! — шепчет Дама [Анненский: 105].

Аникин также обнаружил ряд мотивных схождения между «Балладой» и разбором «Незнакомки» в «О современном лиризме»: пейзаж обеих «Незнакомок» мог напоминать Анненскому роману Достоевского, в частности, эпизод с предсмертной прогулкой Свидригайлова, реминисценцию из которого Аникин увидел в «Балладе» [Аникин: 16–17]⁹. При этом в статье Анненский сам упоминает Достоевского: «Ее узкая рука — вот первое, что различил в даме поэт. Блок — не Достоевский, чтобы первым был ее узкий мучительный следок <выделено Анненским. — А. Ф.>»! [Анненский 1979: 362]. «Следок ноги у ней узенький и длинный — мучительный. Именно мучительный» [Достоевский: IV, 616], — говорит главный герой «Игрока» о Полине, вызывающей у него и страдание, и отчаяние, и страсть. Противопоставление «Блок — Достоевский» могло быть вызвано как раз тем, что у Достоевского образ «мучительный», в то время как у Блока, по Анненскому, он, наоборот, «невыстраданный»¹⁰. Если Дама Блока в статье изображена как спасение и чудо: «Если вы сколько-нибудь петербуржец, у вас не может не заныть всякий раз сладко сердце, когда Прекрасная Дама рассеет и ответит от вас, наконец, весь этот теперь уже точно тлетворный дух» [Анненский 1979: 362], — то его собственная Дама, им проклиная, отчетливо противоположна: она не только не «отвечает» тлетворный дух, но, напротив, «равнодушно» дышит им, или даже источает его,

⁹ Ср.: «Молочный <здесь и далее выделено мной. — А. Ф.>, густой туман лежал над городом. Свидригайлов пошел по скользкой, грязной деревянной мостовой <...> Уныло и грязно смотрели ярко-желтые деревянные домики с закрытыми ставнями» [Достоевский: V, 484–485].

¹⁰ Ср. характерное четверостишие Анненского «К портрету А. А. Блока»: «Под беломраморным обличьем андрогина / Он стал бы радостью, но чьих-то давних грез. / Стихи его горят — на солнце георгина, / Горят, но холодом невыстраданных слез» [Анненский: 205].

поскольку может быть как персонификацией смерти, так и покойницей, лежавшей в гробу и вдруг заговорившей. С СП «Баллада» схожа не только мотивом неуместного «маскарада печалей» на похоронах, но также «достоевско-петербургским» желтым туманом и женским образом, «сцепленным» со смертью и, видимо, восходящим к Блоку.

Связь «У св. Стефана» с СП гораздо нагляднее: оно написано тем же «редким» амфибрахийем и в нем тоже содержится рифма «бюро — серебро»:

Обряд похоронный там шел,
Там свечи пылали иплыли,
И крался дыханьем фенол
В дыханья левкоев и лилий.

По «первому классу бюро»
Там были и фраки и платья,
Там было само серебро
С патентом — на новом распяты.

Но крепа, и пальм, и кадил
Я портил, должно быть, декорум,
И агент бюро подходил
В калошах ко мне и с укором.

Заклучение

Все это похоже на ложь, —
Так тусклы слова гробовые.
.....
Но смотрят загибы калош
С тех пор на меня, как живые [Анненский: 201].

Хотя СП не датирован, можно установить приблизительное время его написания — май–июнь 1907 г.¹¹ Если допустить, что СП и «У св. Стефана» между собой связаны, были написаны Аннен-

¹¹ В одном из блокнотов Анненского сразу после деловых записей конца весны 1907 г. расположен список стихотворений, видимо, составлявший план второй книги стихов [Анненский 1907]. Из «Трилистника балаганного» в нем есть только «Шарики детские» (24-е по счету), однако, не успев дойти до конца списка, Анненский исправил первоначальное «24» на «24–26». Это позволяет предположить, что в то время у него уже был замысел всего «трилистника» (либо он возник прямо при составлении списка).

ским после прочтения шестого (июньского) номера журнала «Весы» за 1907 г., то можно увидеть в них реакцию на напечатанную в нем лирическую поэму Белого «Панихида». Как и СП, она написана в традициях второй части «Загробных песен» Случевского (лежа в гробу, лирический герой наблюдает за собственными похоронами). В поэме Белого и стихотворениях Анненского можно заметить ряд сходных образов: наряду с «традиционными» атрибутами похорон («ризы серебра», левкои, креп, кадила, свечи и др.) и гораздо более «редкий» и близкий «агенту» образ «служителя бюро», точно так же рифмующийся с «серебром»:

Толпа отступает.

Служитель бюро

Там с иконой шагает,

И вот серебро

Проплывет катафалка [Белый 1907-б: 10].

Анненский (если прочесть СП как реакцию на поэму Белого) вновь «переворачивает» содержание стихотворений: изображает не лирического героя-покойника и пришедшую на его похороны невесту (ср.: «Зарыдала / Невеста в креповых сквозных / Вуалях» [Там же: 8]), а, наоборот, похороны невесты, с пришедшими на них «женихами» Арлекином и Пьеро.

Загадочные «ожившие» калоши «агента бюро» также могут указывать на Белого, использовавшего подчеркнуто сниженный пародийный образ калоши «на протяжении всего творчества <...> в стихах, симфониях и даже статьях» всегда с «нелепо-смехотворным гротескным привкусом» [Хмельницкая: 76]. В статье «Штемпелеванная калоша», напечатанной месяцем ранее «Панихиды» в майском номере «Весов», этот образ выступает пародией на Коломбину из «Балаганчика» и в то же время сближается с «калошами» в венском Соборе Св. Стефана из стихотворения Анненского:

Жену, облеченную в Солнце (символ борьбы с ужасом), мистики богоспасаемой столицы превратили в калошу. <...> Сбежались шуты. Шут говорил шуту: «Братец, что есть <...> Жена, облеченная в Солнце?» Храбрый шут не задумался; брэнча бубенцом, он важно заметил: «<...> Жена, облеченная в Солнце, есть калоша!» <...> Все остались довольны и внесли калошу в храм [Белый 1907-а: 52].

Представляется, что СП и «У св. Стефана» могли быть намеренно наполнены Анненским образами творчества Белого¹², причем, слившись, все эти образы восстанавливают единую «эмблему» его лирики, отчего в «агенте бюро» скорее видится не «служитель бюро» из «Панихиды», а, напротив, лежавший в «Панихиде» в гробу — лирический герой Белого. Существенно, что «Баллада» и «У св. Стефана» связаны одновременно и с СП, и между собой (ср. «И крался дыханьем фенол / В дыханья левкоем и лилий...» и «...левкоем и фенолом... / дышащая Дама...»).

Все написанное позволяет видеть в Арлекине и Пьеро из СП, пришедших на похороны Коломбины или в кабинет умирающего поэта, — «агентов» похоронного бюро: не просто воплощение того, к чему приводит «лицедейство», но самих «организаторов» похорон. В то же время в них могут проследиваться черты «агентов» письменного бюро — лирических образов, «эмблем» стихотворений Белого и Блока, олицетворяющих неприемлемые для Анненского черты русской поэзии — «невьстрадаемость», «маскарад печалей», «шутовство»; тех, из-за кого поэзия «должна потускнеть в фимиаме». Наконец, не названная, но угадывающаяся Коломбина может прочитываться как карикатура на Прекрасную Даму: в любой «ипостаси» (Прекрасная Дама, Незнакомка, Коломбина и, наконец, калоша) — предмет их поклонения¹³.

¹² Кроме того, образ «убийственного» солнечного блеска в СП можно соотнести со словами: «Золотому блеску верил, / А умер от солнечных стрел» [Белый 2006: 264], — из стихотворения Белого, опубликованного в мартовском номере «Золотого руна» за 1907 г.

¹³ В пользу такого прочтения может говорить и неожиданное определение к «помпе бюро» — «белая», — сочетающееся как с псевдонимом Б. Бугаева, так и с характеристикой, дважды данной Анненским Блоку: в статье «О современном лиризме» (ср.: «Напечатанные на карт-постаях черты являют нам изящного Андрогина, а голос кокетливо, намеренно бесстрастный, *белый* <курсив мой. — А. Ф.>, таит, конечно, самые нежные и самые чуткие модуляции» [Анненский 1979: 361]) и в посвященном ему четверостишии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин: *Аникин А. Е.* «Незнакомка» А. Блока и «Баллада» И. Анненского // Русская речь. 1991. № 5.
- Анненский: *Анненский И. Ф.* Стихотворения и трагедии. Л., 1990.
- Анненский 1907: *Анненский И. Ф.* Блокнот с записями делового характера и заметками по античной литературе // РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 272. Л. 15–15 об.
- Анненский 1979: *Анненский И. Ф.* Книги отражений. М., 1979.
- Анненский 1994: *Анненский И. Ф.* Трилистник балаганный // Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев. Исследования. Материалы. Библиография. СПб., 1994.
- Анненский 2000: *Анненский И. Ф.* Учено-комитетские рецензии 1901–1903 годов / Сост., подг. текста, предисл., прил., прим. и указатель А. И. Червякова. Иваново, 2000.
- Белый 2006: *Белый А.* Стихотворения и поэмы: В 2 т. М., 2006. Т. 1.
- Белый 1907-а: *Бугаев Б. Н.* На перевале. VII. Штемпелеванная калоса // Весы. 1907. № 5.
- Белый 1907-б: *Белый А.* Панихида. Лирическая поэма // Весы. 1907. № 6.
- Блок 1927: *Блок А. А.* Письма к родным: В 2 т. Л., 1927. Т. 1.
- Гаспаров: *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. Об одном из механизмов культурной памяти. М., 2012.
- Достоевский: *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 15 т. Л. (СПб.), 1988–1996.
- Жуковский: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2008. Т. 3.
- Случевский: *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2004.
- Тименчик 1981: *Тименчик Р. Д.* Письма Валентина Кривича к Блоку // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. М., 1981.
- Тименчик 1988: *Тименчик Р. Д.* Из истории русской поэзии: И. Ф. Анненский // Родник. 1988. № 2.
- Тименчик 2017: *Тименчик Р. Д.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017.
- Федоров 1990: *Федоров А. В.* «Иннокентий Анненский — лирик и драматург» // Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.
- Хмельницкая: *Хмельницкая Т. Ю.* Литературное рождение Андрея Белого // Блоковский сборник. VI. Тарту, 1985.
- Якубович: *Якубович П. Ф.* Стихотворения. Л., 1960.